

М. П. Максакова

Заслуженная артистка РСФСР

ДВЕ РОЛИ

Зимний сезон этого года принес мне две новых интересных роли. В опере «Хованщина» Мусоргского я пою партию Марфы, в оратории «Емельян Пугачев» Мариана Ковалю — Устинью. Обе эти роли захватили меня, заставили много, плодотворно и интересно работать.

Постановка «Хованщины» — одно из самых знаменательных музыкальных событий сезона. Великое произведение гениального русского композитора долго отсутствовало в классическом репертуаре московских оперных театров. Это ощущалось как большой и досадный пробел.

В наши дни постановка «Хованщины» приобретает особенный интерес еще и потому, что вся советская музыкальная культура ищет стиль народной оперы. Мы видели работы советских композиторов, пошедших по этому пути. Весьма закономерен поэтому сейчас интерес к оперному творчеству Мусоргского.

Как известно, Мусоргский стремился воплотить в музыке правдивые речевые интонации.

«Работая над говором человеческим, — писал Мусоргский В. Стасову, — я добрал до мелодии, творимой этим говором, добрал до воплощения речитатива в мелодии».

Этими творческими задачами руководствовался Мусоргский и при создании оперы «Хованщина», в которой роль Марфы занимает одно из центральных мест. Роль эту я считаю очень сложной и трудной, пожалуй, самой трудной из известных мне партий для меццо-сопрано.

Марфа — интереснейший образ русской женщины. Она умна, молода, красива и наделена огромным темпераментом, который весь внутри нее и почти не находит внешнего проявления. Это исключительно цельная натура. Духовная дочь Досифея, Марфа является орудием в его руках, но не слепым орудием. Она понимает расстановку политических сил и вместе с Досифеем ведет сложную политическую игру.

Об образе Марфы можно много говорить и все же чувствовать, что все сказанное — только отдельные штрихи, черточки, подсказанные изумительной музыкой Мусоргского. Воплотить этот образ на сцене, создать его таким, каким он представляется внутреннему зрению художника, — задача очень трудная. Поэтому величайшую радость и торжество испытывает артист, если он видит, что образ, созданный им, правилен, доходит до зрителя, вызывает в нем ответную эмоцию.

Над ролью Устиньи в оратории советского композитора Мариана Ковалю, исполнявшуюся во время музыкальной декады в Москве, я работала с не меньшим интересом и напряжением чем над ролью Марфы. Устинью с Марфой роднит то, что обе они настоящие русские женщины — обаятельные, мягкие, лиричные — как в счастье, так и в горе. Композитор Коваль сумел подметить эту мягкость, лиричность, всегда свойственную русской женщине, и отлично выразил ее средствами музыки.

В вокальном отношении партия Устиньи написана для меня несколько низко. Я считаю себя по преимуществу лирической певицей. Когда подбирали исполнительниц для роли Устиньи, пробовали поручить эту партию контральто. Звучания, пожалуй, получилось больше. Но зато исчезли тепло, лиричность, свойственные меццо-сопрано.

Нужно отметить, что многие наши композиторы, создавая свои произведения, очень часто не задумываются об исполнителях. В результате tessitura той или иной партии оказывается очень трудной для артиста. Для одного голоса слишком глубоки низы, для другого — недоступны верхи. Мне кажется, что творцы музыкальных произведений должны наладить более тесную связь с их

исполнителями в самом процессе своей творческой работы, а в некоторых случаях даже и учитывать, для кого именно из современных исполнителей может предназначаться та или иная роль. Так нередко поступал Чайковский, и это нисколько не снижало художественной цельности и музыкального звучания созданных им бессмертных образов.

Оратория «Пугачев» интересна еще и тем, что она очень сценична, театральна. Сцена казни, например, так и подсказывает возможность не только концертного исполнения, но и сценического воплощения. Мне кажется, что тема «Пугачев» далеко еще не исчерпана прекрасной поэмой Василия Каменского и написанной по ее мотивам ораторией Мариана Ковалю. Тема эта ждет еще своего полного сценического воплощения в большом оперном спектакле.

К декаде советской музыки все мы, исполнители, обычно готовимся вдумчиво и добро-

совестно. Внимательно разучиваем новые вещи, вкладываем максимум возможного в их исполнение. Но часто бывает так, что вне зависимости от внешнего успеха того или иного музыкального произведения в душе артиста после исполнения остается чувство глубокой неудовлетворенности. Спел в декаду один — два раза — и довольно. Вещь забыта и редко входит в постоянный репертуар.

Партия Устиньи тем мне и дорога, что, спев ее, я не почувствовала этого обычного холода разочарования. Больше того, я уверена, что это произведение надолго останется в моем репертуаре и каждый раз я буду исполнять его с неослабевающим удовольствием и интересом.

Успех «Пугачева» в значительной мере обусловлен еще и тем, что и исполнители и слушатели соскучились по большому, подлинно песенному произведению. Во многих оперных и концертных творениях современных композиторов слишком много декламации под музыку и слишком мало настоящего вокала. Композиторы как бы боятся дать артисту возможность показать голос в полную силу, ограничивают его, стесняют.

Оратория «Пугачев» лишена этого, часто встречающегося недостатка. Поэтому так привлекает меня партия Устиньи. Поэтому я могу поставить ее рядом с партией Марфы в «Хованщине».

Заслуженная артистка РСФСР Мария Петровна Максакова.

Фото Е. Яно.